

5 **Кружозор** 71

**Наши планы
основаны
на реальных
расчетах,
на учете
потребностей,
ресурсов
и возможностей
страны.
Обсуждение
проекта
Директив
по новой
пятилетке
показало,
что партия,
весь народ
горячо
их одобряют
и поддерживают.
Выполнение
этих планов
зависит
от труда
каждого из нас,
от нашей
организованности
и дисциплины,
от умения
вести дело
и настойчивости.
Мобилизовать
массы на борьбу
за выполнение
поставленных
задач,
еще теснее
сплотить
весь народ
на ленинской
платформе
коммунистического
строительства —
такова главная
задача партии,
всех ее
организаций.**

Из Отчетного
доклада
Центрального
Комитета КПСС
XXIV съезду
Коммунистической
партии
Советского
Союза

Что явилось основой всех... преобразований? Прежде всего правильная политика нашей партии, которая неустанно заботится о развитии колхозов, последовательно и настойчиво осуществляет ленинские идеи и заветы о переустройстве сельского хозяйства.

Т. С. Мальцев

Выдающийся немецкий ученый, один из основателей агрохимии, Юстус Либих сказал: «Нет более прямого пути к абсолютному обнищанию народа, чем непрерывная культура однолетних растений». И больше ста лет ему верили специалисты всего мира. А первым, кто усомнился, был сибирский крестьянин Терентий Семенович Мальцев. В результате мы имеем то, что называется безотвальной, или мальцевской, обработкой почвы. Простота и строгость — главное, чем отличается все, что делает этот человек. Так же сдержанна и суровата внешность Мальцева. Не пьет, не курит, не терпит грубого слова. Не любит легкомысленных трат. Все его радости — только в поле и в книгах. Работать он начал с девяти лет: боронил, сидя верхом на лошади. Паронного способа в деревне Мальцево тогда еще не знали, первым его в двадцатых годах применил сам Терентий

МАЛЬЦЕВ
ИЗ
МАЛЬЦЕВА

ЧЕРТА ХАРАКТЕРА —
ТРУДОЛЮБИЕ

Семенович. Не дай он за всю свою жизнь больше ничего, в неписаной истории деревни остался бы и за это. Выезжали в поле рано, возвращались поздно. Потом сенокос — возить копы, потом уборка — возить снопы... 22 января 1930 года в Мальцеве организовали колхоз. В поле и с поля ходили с песнями, над ленивыми смеялись. А сам он, говорят, в первые годы не ходил, а бегал, босой, высокий, стремительный, наклоненный вперед. «На коровьем реву встанет — и по-о-бежал...» Кроме исполнения прямых обязанностей полевода, он испытывал одновременно 500 сортов одной только пшеницы и возился с тысячами гибридов. Такая вот протодушная дерзость масштабов и уверенности в своей власти над землей предшествовали мудрому назиданию, с которым он обратился к молодым через много лет: «Природа не терпит самоуверенных работников. Когда вы слышите о могуществе человека, который способен поворачивать реки вспять, не принимайте это буквально. Пустить реку вспять можно, лишь изменив уклон движения воды. Человек способен изменить уклон, но не закон, согласно которому вода течет всегда по наклонной плоскости...» Одно время у него был помощник, который это понимал, но делал вид, что

не понимает. В те годы, когда Мальцев всеми силами боролся за то, чтобы сохранить в колхозе пары, молодой человек доказывал, что единственное, чего ему до сих пор не хватало, — это кукуруза, а единственное, что мешало, — это пары. Он написал диссертацию, на которую Мальцев должен был дать отзыв. Терентий Семенович дал два отзыва. В первом перечислял сугубо профессиональные, довольно высокие качества союзкаталя. А во втором после точки дописал: «Знания и способности есть, а совети — пока маловато». «На ваше усмотрение, — сказал он, вручая оба текста. — Какой сочтете нужным, тот и представите ученому совету».

В этом — Мальцев. Вскоре после войны его вызвали в Курган. «Вы, товарищ Мальцев, человек еще не заверченный, — сказали ему. — Депутатом стали, лауреатом тоже, а вот Героем еще нет. Возмите себе зveno, человек десять, и получите с каждого гектара высокий урожай. Сразу станете Героем». «Среди нормальных людей заверченных не бывает, — ответил Мальцев. — Завершенность — это смерть. Рекордами я не занимаюсь. Что скажут люди? Бросил нас и за наградами погнался?!» В этом — тоже Мальцев.

— Терентий Семенович, представьте, что вам лететь в космос надолго, может, навсегда. Какую бы книгу вы взяли с собой? — спросил я как-то.

— Одну?

— Да.

— Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм».

— А кого из товарищей?

Терентий Семенович задумался. Потом с какой-то детской надеждой спросил:

— Пусть он и не особенно грамотный, да?

— Ну, конечно...

— Тогда, — обрадовался он, — взял бы покойного сродного брата Пимена Ивановича, под Сталинградом погиб. Добрый, спокойный, такой уживчивый был человек. Штиглица бы взял, с которым в империалистическую в кайзеровском плену, в лагерном комитете, работал. Вскорыстный... Честный человек был. Честный!

— Еще кого?

— Хватит, — твердо ответил он и, словно оправдываясь перед теми, кто могла обидеть такая строгость отбора, добавил: — Не поднять ведь всех. И в этом — тоже Мальцев.

Анатолий СТРЕЛЯНЫЙ

Колхоз «Заветы Ленина»,
Курганская область

**Лауреат
Государственной премии,
Герой
Социалистического Труда
Т. С. Мальцев
среди
делегатов XXIV съезда КПСС.**

В ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ГОДА ПОБЕДЫ

3

Вместе с газетами Глебов вынул из почтового ящика конверт. Открытка с золотым тиснением извещала, что свадебная церемония Яны Чевеловой и Ивана Климы состоится 3 апреля 1971 года в 11 часов в районном Совете Порубы города Остравы. По-русски было приписано: «Приезжайте, Алексей Гаврилович. Очень ждем».

— Тоня, у Ивана свадьба, — сказал Глебов жене. — Через десять дней. Глебов на всякий случай полистал календарь, хотя и так знал, что времени на поездку не выкроит. Во вторник ему, нештатному инструктору, докладывать в горкоме партии. В четверг встреча с допризывника-

ми — это в военкомате. Суббота занята: интернациональный вечер, который готовит он, секретарь городского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы...

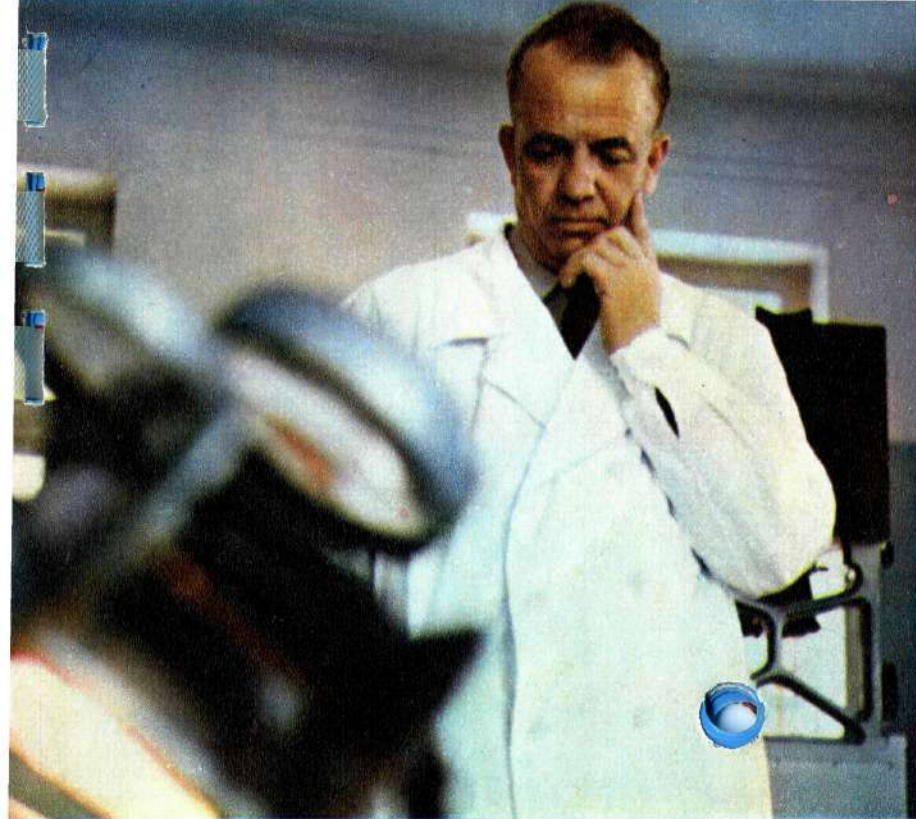
— Жаль, не успею съездить. — Что ж, дождись крестин, — улыбнулась жена.

На почте Глебов тщательно упаковал бронзовый барельеф знаменитого Левши. «Пусть в вашем доме будет память о тульском крае», — написал в поздравлении молодым.

Они могли бы жить и в каких-то других городах. И это несколько не убавило бы теплоты в их отношениях. Но в этом случае дружба личная стала как бы продолжением давних

связей двух городов. В городе Ефремове с февраля по апрель сорок четвертого года формировалась старая парашютно-десантная бригада чехословацкого корпуса под командованием Людвика Свободы. В Ефремове бывали и генерал Свобода и Клемент Готвальд. Был построен боевой самолет на собранные бригадой деньги. А год спустя советские части вместе с бойцами чехословацкого корпуса освобождали Оставу. Встретил там и Алексей Глебов. Климу он впервые увидел в селе под Оставой...

Известно: мир держится дружбой, и прочнейшая для многих из нас та,

«У нас, ефремовцев, давние, крепкие связи с Чехословакией. Мы обмениваемся делегациями, делимся опытом. Те из нас, кто работает на заводе синтетического каучука, благодарны чехословацким специалистам за отлично действующее оборудование. Это не просто благодарность: ефремовский каучук идет и в ЧССР. Есть в Ефремове семьи, которые связаны с чехословацкими товарищами прочной дружбой».

Николай ВЛАДИМИРОВ,
руководитель комплексной
бригады «Ефремовхимстрой»,
делегат XXIV съезда КПСС

что озарена отблеском фронтовых залпов.

В очень мирных городах — Ефремов и Острове — идут сегодня на работу русский и чех. Майор медицинской службы запаса — кавалер шестнадцати орденов и медалей Алексей Глебов работает на заводе синтетического каучука имени Лебедева, продукция которого поступает на шинные заводы Советского Союза и социалистических стран. А экономист-плановик Иван Клима — на Витковицком металлургическом комбинате имени Готвальда.

«Недавно подведены итоги соревнования: наш комбинат занял первое место в стране, и мне приятно сооб-

щить Вам, Алексей Гаврилович, эту новость, — писал Клима Глебову (весь прошлый год, с мая, Иван с товарищами участвовал в соревновании чехословацких металлургов в честь 25-летия освобождения страны Советской Армией от фашистских захватчиков). — Наш комбинат дал республике почти три миллиона тонн стали. А сейчас мы готовимся встретить юбилей Коммунистической партии Чехословакии и ее XIV съезд». Постоянству и стажу их переписки можно позавидовать: ровно 26 лет назад было написано первое письмо, датированное 3 мая года Победы. С пометкой на конверте: «Вскрыть через пятнадцать лет».

Месяц май — особый в жизни этих людей, одному из которых 52 года, а другому — наполовину меньше. Почему особый, вы узнаете, послушав рассказ А. Глебова и И. Климы на третьей звуковой странице журнала.

Валентин МАНИОН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Ефремов,
Тульская область

Алексей Глебов работает на Ефремовском заводе синтетического каучука, Иван Клима — на металлургическом комбинате в Острове. Климу Глебов увидел впервые в 1945 году в маленьком чешском селе под Оставой.

Фото В. Шворчика (ЧТК)
и А. Лидова («Кругозор»)

Однажды друг Густава Малера получил от него письмо, написанное на рассвете. «Ах, Штейнер! — писал Малер. — Вы еще спите у себя в кровати, а я уже видел росу на траве...» В этих словах — весь Малер, человек, который видел росу на траве, видел, а лучше сказать, слышал мир как нечто прекрасное, сверкающее, цельное...

Если сравнить симфонический репертуар всех ведущих филармоний мира за последнее десятилетие и ему предшествовавшее, то сразу бросится в глаза: с каждым годом все чаще и чаще будет встречаться имя австрийского композитора Густава Малера.

Сегодня, через шестьдесят лет после его смерти (1911 г.), музыкальный мир словно открывает Малера заново. При жизни в нем видели прежде всего дирижера, считали его великим дирижером, но композитором... Выдающимся композитором Малер «стал», увы, лишь после смерти, в наше время. Фирмы грампластинок записали все созданное Малером в самых разных исполнениях; специалисты стали собирать все незавершенное композитором, затерянное, забытое. Английский музыковед Дерек Кук восстановил по оставшимся авторским наброскам последнее создание Малера — его Десятую симфонию.

Недавно обнаружена партитура, о существовании которой даже крупнейшие знатоки творчества Малера не подозревали. История этой находки символична. Собственно говоря, это история всего музыкального наследства композитора.

На лондонском аукционе продавали автограф Первой симфонии Малера, датированный 1893 годом. И сам по себе такой автограф — большая ценность. Но когда партитуру стали изучать, то оказалось, что в этой Первой симфонии не четыре части, как должно было быть, а пять! Автограф содержал вторую часть, исполнявшуюся на премьерке симфонии в Будапеште, а затем опущенную автором.

Но почему Малер это сделал? Может быть, сам композитор счел вторую часть слабой, даже лишней в симфонии и самокритично от нее отказался? Это и так и не так.

У Первой симфонии Малера сложная судьба. После будапештской премьеры пресса напала на автора. «Это чудовищное, бесформенное, лишенное вкуса произведение, невыносимо неблагоприятное и вызывающее тривиальное», — писали критики. И Малер снял одну часть, чтобы сделать симфонию короче, как-то спасти ее. Однако и новый вариант симфонии был принят не лучше. Малер смирился и больше Первую симфонию не переделывал.

Композитор задумал симфонию, когда ему было 24 года. Можно сказать, что ее тема — вступление человека в

В КОЛЛЕКЦИЮ
РЕДКИХ
ЗАПИСЕЙ

...ВИДЕЛ РОСУ НА ТРАВЕ

жизнь. Но для Малера жизнь человека и жизнь природы — одно. Человек вступает в лес (мы можем услышать в первой части даже охотничьи рога), но это не просто лес — лес жизни... Человек идет радостный, открытый и не замечает настороженности леса. Такое двойственное, сложное понимание мира характерно для Малера — именно оно, очевидно, и привлекает современного слушателя. Вот предпоследняя часть симфонии — «траурный марш в манере Калло». Она навеяна дубком «Звери хоронят охотника». Это ироничные похороны! Там даже звучит «Цыганочка» — звери не скрывают своей радости.

Что же вносит «новая», вторая часть? Она не меняет нашего понимания симфонии, но делает его глубже. В грандиозной картине мира, открывающейся перед молодым человеком, не хватало одной краски, одной тихой, теплой темы. Да, мир сложен, порою трагичен, но он и светел, радостен! «Каков же сам этот мир», — написал однажды Малер, — если даже отражение его — эти звуки и образы — таковы».

Недавно Бенджамин Бриттен исполнил на ежегодном Олдебургском фестивале вновь найденную часть Первой симфонии. На этот раз критики единодушно приняли отвергнутую музыку. «Это живая мечта, живой сон, в котором мы встречаемся с давно умершим другом», — писали теперь газеты.

На восьмой звуковой странице вы впервые услышите запись этой части Первой симфонии Малера в исполнении оркестра под управлением Юджина Орманди. К счастью, она звучит ровно 6 минут 30 секунд — точно по размерам нашей звуковой страницы.

Но прежде чем слушать, прочитайте, пожалуйста, еще раз отрывок из того письма Штейнеру, которое мы привели вначале. Эти строки будто специально написаны для тех, кто готовится слушать возвращенную к жизни музыку:

«Сейчас шесть часов утра. Я побывал уже на пастбище, посидел возле пастуха Фаркаша и послушал звуки его свирели... Цветок, росший у его ног, содрогнулся под взглядом его темных глаз, горевших мечтательным огнем... Ах, Штейнер! Вы еще спите у себя в кровати, а я уже видел росу на траве. У меня так мирно и весело на душе; тихое счастье, разлитое вокруг, пробирается и в мое сердце, как весенние лучи на зимние поля. Неужели даже в моей груди наступает весна?!»

Константин ПОРТУГАЛОВ

На пятой звуковой странице вы услышите Али Примеру из Венесуэлы с песней «Идем, земляки», песни «Дороги» в исполнении советского ансамбля «Лучина» и «Жизнь начинается», которую исполняет чилийский ансамбль «Илалапайюн».

Рисунок А. Гамбурга
Фото М. Трахмана

5

*Заметки с фестиваля
политической песни
в Берлине*

Солисты и ансамбли из 18 стран привезли в столицу ГДР свои песни. Певцы из Португалии и Испании, Вьетнама и США. Ансамбль «Иль контемпоране» («Современник») из Италии, коллектив из Венгрии. Молодые музыканты из Чили исполняли песни, написанные в привычной для них манере крестьянского пения. Для «зонгов», исполняемых молодежью из Мюнхена, были характерны современные ритмы. В фестивальных залах можно было услышать старые песни, при первых же звуках которых оживало забываемое — годы революции, гражданской войны в Испании, дороги Великой Отечественной... Их сменяли новые, которые еще недавно

ПУТЕВКА В МИР

сопровождали участников походов протеста, исполнялись бастующими рабочими Западной Европы, звучали на антивоенных митингах в США...

Разные песни привезла молодежь на фестиваль в Берлин — разные по темам, характеру исполнения. Но все они призывали к борьбе за мир. Поэтому не было равнодушных в переполненных залах, и публика, особенно молодежь, часто подпевала выступавшим на сцене. Впрочем, это относилось не только к молодежи. Один из ветеранов немецкого профсоюзного движения, Лючия Шарфенорт, приглашенная на открытие фестиваля, писала потом: «Когда звучали старые революционные песни в исполнении молодых людей, мы пели вместе с ними, вспоминая годы борьбы. Нам нравились и новые песни. Но самым прекрасным было сознание, что эти юноши и девушки продолжают наше дело».

К. ПРОКУРОНОВА

ЗАБОЙ ПОД ОТКРЫТЫМ СОЛНЦЕМ

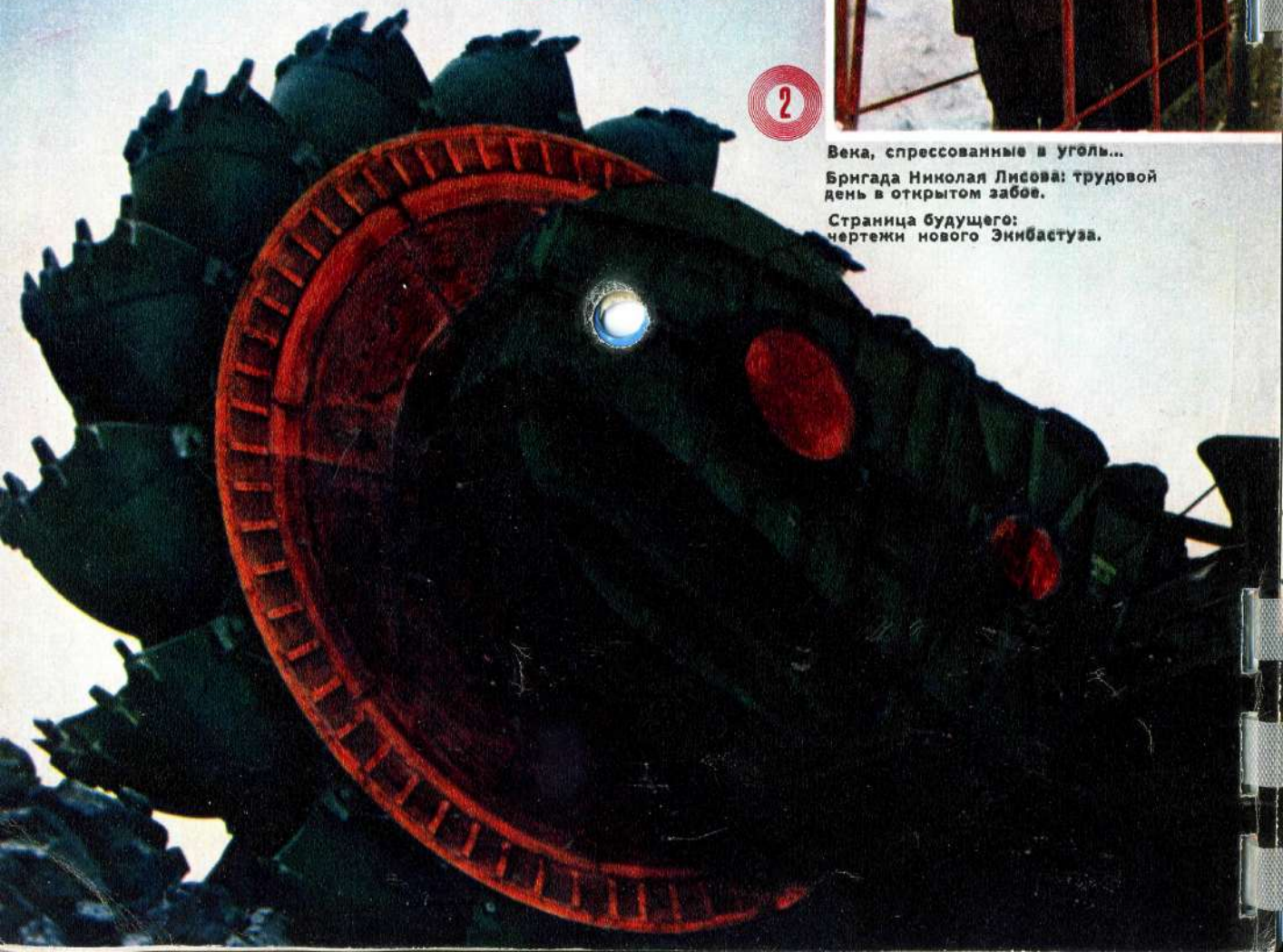

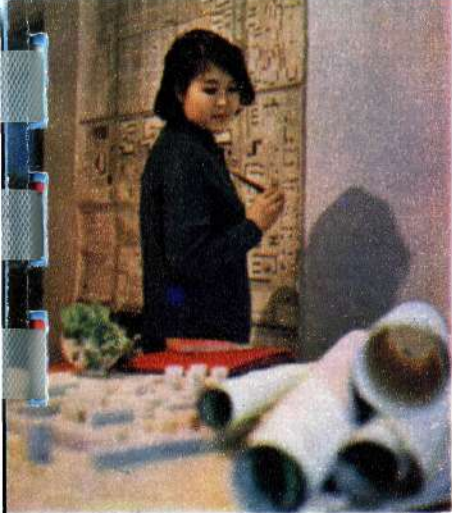
2

Века, спрессованные в уголь...

Бригада Николая Лисова: трудовой день в открытом забое.

Страница будущего: чертежи нового Энибастуза.

Улица кончается. Выхожу в темно-голубое безмолвие степи. Странное чувство охватывает меня. Только что был в городе, принадлежал ему, естественно вбирая в себя его современные очертания. Только что были многоэтажные дома с мозаикой по торцу, красные и синие автобусы на улицах. Но вот несколько шагов — и я в степи с ее первобытной неоглядностью. Я смотрю на город. Правильные квадраты кварталов переливаются огнями на фоне темного неба. Город окружен как бы светящимися колоннами. Они так огромны, что телешушкка меж ними кажется хрупкой, игрушечной.

Как я узнал после, это светят двадцатикилловаттные ксеноновые лампы, подвешенные над угольными разрезами. Особые природные условия, преломление света в воздухе — так возникает иллюзия сказочных столбов, подпирающих небо.

Над угольным месторождением и вырос город Экибастуз. Месторождение

имени «Разрез № 2» — более одиннадцати километров. Когда на него смотришь сверху, огромный экскаватор (диаметр роторного колеса — шесть метров) кажется моделью.

Экибастуз — город рабочий. Добывает уголь, воспитывает смену. Несколько лет назад секретарем горкома партии здесь был Анатолий Андреевич Болдычев. Это у него возникла мысль взять шефство над школами, и сейчас экибастузские шахтеры соревнуются со школьниками, отчитываются перед ними и выслушивают ребят. Многие из молодых, прошедших эту школу коммунистического воспитания, стали уже шахтерами.

Ушел на пенсию Герой Социалистического Труда экскаваторщик Михаил Федорович Возный. В карьер пришли его сыновья Владимир и Валерий.

Внук Михаила Федоровича, Михаил, говорит, что будет экскаваторщиком. Шахтерская династия!..

«Когда я голосовал за решения партийного съезда, мне вспомнились мои товарищи. Я видел рядом с собой Николая Лисова и Василия Неупокоева, это их смены выдали на-гора в прошлом году по два миллиона тонн угля. Я понимал, что это нам лично адресованы строки Директив XXIV съезда, призывающие «увеличить мощности экибастузских угольных разрезов к концу пятилетки до 56 миллионов тонн».

Хамид ДОСМАГАМБЕТОВ,
машинист роторного экскаватора комбината
«Экибастузуголь», делегат XXIV съезда КПСС

это, заметим, фантастическое: на 1 квадратный километр — 139 миллионов тонн угля! Уголь обнаружен здесь почти век назад, а широкая разработка залежей ведется всего полтора десятилетия. Потому и город почти мальчишка; если бы он ходил в школу, то заканчивал бы седьмой класс.

У Экибастуза все в будущем. Он станет многолюдным городом, когда на базе здешнего угля поднимутся мощные электростанции, когда электрическая энергия по проводам ЛЭП пойдет на Урал и за Урал. Уже сейчас Экибастуз снабжает углем двенадцать электростанций Урала, Сибири, Казахстана. Можно представить размах работы горняков, если только одна Троицкая ГРЭС «сбедает» ежедневно по двадцать тысяч тонн топлива! Открытые карьеры Экибастуза — потрясающее зрелище: они напоминают корабли, просторные трюмы которых наполнены «солнечным камнем». Длина одного только такого «корабля» по

— Есть один секрет у Экибастуза... Приворотный, что ли... — сказал мне машинист экскаватора Николай Лисов.

Он родом из-под Усть-Каменогорска; в селе живет его мать. Однажды Николай, прочитав очередное письмо, — мать все звала его вернуться, — уехал из Экибастуза в родное село. Устроился в колхозную мастерскую, моторы ремонтировал. Работал так, что со стороны, наверное, казалось: нашел самое «свое» дело. А он за этими моторами грусть свою прятал, сутками из мастерской не выходил. Пришел к матери: «Не могу больше. Там мое дело. Собирай, мама, в дорогу».

Николай ШУМАКОВ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

На второй звуковой странице вы услышите песни о городе Экибастузе, где живет и работает Николай Лисов.

ВЕЧНО СТУДЕНЧЕСКИЕ

*По созвездью
над каждым вузом
ночь повесила
на небесах.*

М. Светлов

Когда пишут или говорят о студенческих песнях, многие впадают в ошибку — путают студенческие песни с туристскими. Давайте на этот раз не совершим ее. Студенческая песня сама по себе явление довольно значительное, и сужать ее до туристской тематики по крайней мере несправедливо. В студенческую пору обретает человек профессию, и песни студентов, как записки последующим поколениям: вот так мы жили, вот так мы любили, так мы верили в будущее.

Из потока милых, компанейских, забавных песенок стали выбиваться сочинения, которые неожиданно для их авторов вышли за пределы вузовских стен, институтских городков. Так случилось с лучшими песнями геологов Владимира Борисова и Александра Городницкого, журналистки Ады Якушевой, биолога Дмитрия Сухарева, строителя Евгения Клячкина и других. Это происходило оттого, что авторы сумели найти поэзию в повседневном студенческом быту — подняться от узкоцеховой темы до молодежной песни гражданского звучания. Это явление сразу же привлекло внимание профессионалов. Самодеятельной студенческой песне стали активно помогать Лев Ошанин, Михаил Матусовский, Михаил Львовский, Аркадий Островский, Александра Пахмутова. В свое время драматург Михаил Львовский написал песню, которую студенчество по праву считает «своей», хотя написана она была не студентом и не о студентах. Это песня «Глобус». В ней есть слова, которые многие объясняют:

Потому что нам нельзя без песен,
Потому что мир без песен тесен!

Вот именно по этой причине пишутся и поются студенческие песни. Сегодня, когда уже есть накопленный опыт, может быть, стоит подумать о том, чтобы у каждого института была своя песня. А может быть, вузовский гимн. Дело не в названии. Дело в том, чтобы каждый первокурсник, придя впервые в стены своей Alma Mater, узнал бы, что там учились талантливые, веселые и преданные своей профессии люди, чтобы на далеких меридианах выпускники одного вуза имели бы при себе, как пароль души, песню.

Семь веков назад такой «пароль» появился у всех студентов. Не затерялась давняя студенческая песня в веках, передавалась от поколения к поколению. В 1781 году записал ее, предварительно обработав, немецкий странствующий поэт К. Киндлебн. Простой и мощный, полный добродушного оптимизма, мотив был потом вплетен Верлиозом в «Осуждение Фауста». Лист разрабатал его в своей «Юмореске», а Э. Хумпердинк развернул в целую оперу из жизни немецких студентов.

«Гаудеамус» был очень популярен в среде русского студенчества. Трудно, пожалуй, найти старого инженера или врача, которые не знали бы этого гимна. И в наши дни в Ленинграде и в Тарту, во многих институтах зал встает, когда поют «Гаудеамус». В нем слышится романтический порыв молодости, призыв верно служить своему народу. Недавно «Комсомольская правда» провела конкурс на лучший перевод старинного гимна студентов. Победительницей в конкурсе вышла Новелла Матвеева. На десятой звуковой странице вы можете услышать в исполнении хора студентов Ленинградского университета под управлением Г. Сандлера «Гаудеамус игитур».

Ю. ВИЗБОР

Если снажет мне время:
«С тобой мы в расчете!» —
Я верну ему жизнь, обрывая судьбу.
День за днем убывают года постепенно,
Увядая, отходят цветы в забвенье.
И звучит во мне,
Кровь разгоняя по венам,
Голос долга, как гулкое сердце мое.

Перевел с казахского В. Савельев

Джубан МУЛДАГАЛИЕВ

Я, друзья, на досуге и в честной
работе,
Как влюбленный, счастливых часов
не таю:
Все мне кажется, я не из клеточек
плоти,
А из клеточек долга теперь состою.

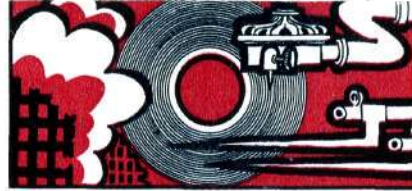
Я в долгу перед Евой, Адамом,
планетой,
Перед плеском воды и дыханьем огня,
Перед высью и глубио, зимою и летом,
Перед соком эпохи, вспоившим меня.
Я в долгу перед солнцем, цветами
и небом,
Перед полднем и ночью, зовущей
ко сну.
Долг кумысу, и соли, и черному
хлебу —
Как, друзья, и когда этот долг я верну?
Все, что светлого есть у меня

и со мною,
Я другим отдаю и судьбу не корю.
Но какую же будет оплачен ценою
Долг народу и долгу моему Октябрю!
Новый миг начинается в новой работе,
Предвещая и правду, и долг, и борьбу.

ШУКРУЛЛО

Я думал: сердце молнии сродни,
Но молнии мгновенные огни,
Мрак озарив, бесследно пропадают.
В сравненье с сердцем не идут они!
О сердце, о души людской костер!
Ты озаришь космический простор,
Пылаешь ярче молний и созвездий
Над синью рек, над крутизною гор.
Тебя к далеким звездам вознесли
Богатыри моей родной земли.
Звездой надежды загорись над миром,
Чтоб яркий свет твой видеть все могли.
Потомки, нашей жизни нет конца:
Не звезды вам сияют, а сердца!

Перевела с узбекского Р. Казакова

Ян ВАССЕРМАН

Вселяется в нас потихоньку
Какое-то чувство вины,
Когда запуют патефоны
Великие песни войны.

Отцы уходили сражаться,
Колонны скрывались в пыли,
Нам было всего по тринадцать,
И в счет наши годы не шли.

И нас в ополчение не брали,
Но нас прикрывали в беде...
Цветком уплывает мембрана
По черной, болотной воде.

Ах, песни, военные песни,
Рожденные в том далеке,
Как вдовьи, печальные перстни,
Что носят на левой руке.

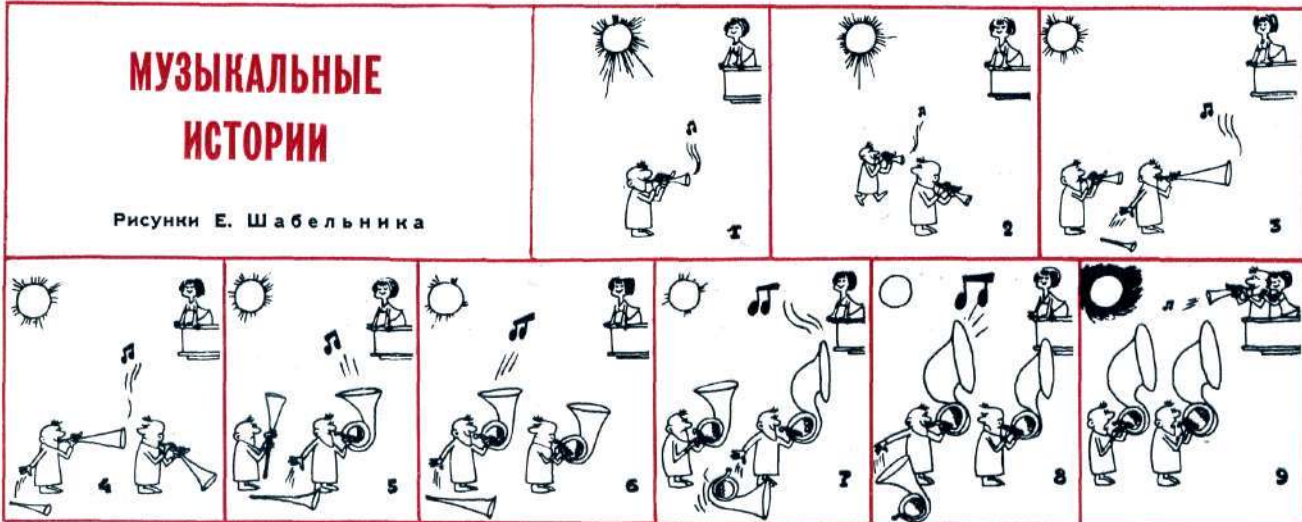
Они прозвучали и стихли,
Но спеты те песни не зря,
И в сумрачном свете пластинка
Похожа на диск «Дегтяря»...

Ялта

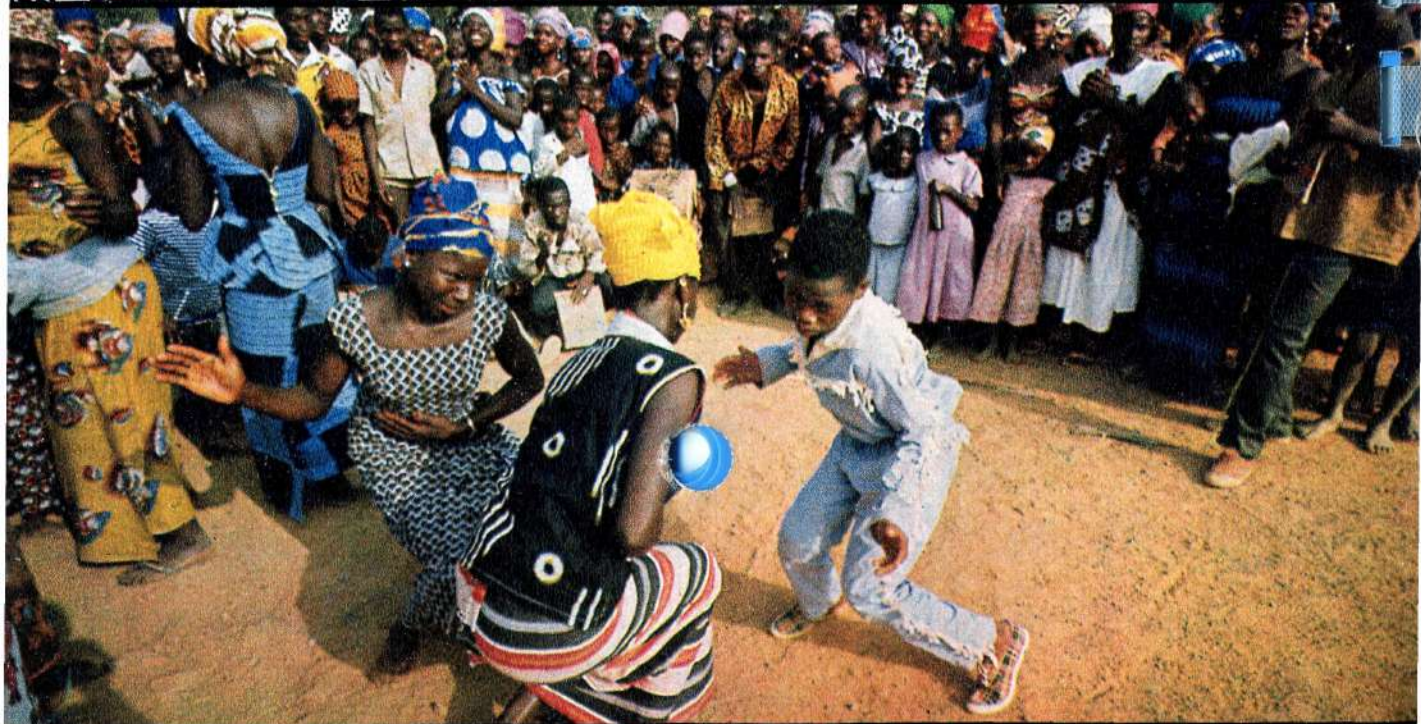
Рисунки А. Гамбургера

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Рисунки Е. Шабельника

ТАМТАМ, ЗОВУЩИЙ В БУДУЩЕЕ

...По темным щекам катятся крупные слезы. Но подхватили мальчишку добрые руки, передают его по уходящим кверху рядам, все дальше от обидчика. И вот уже он улыбается во весь экран, и гремит под куполом: «Широка страна моя родная!» Знакомые нам кадры кинофильма «Цирк». Отец Джемса — не того, экранного, а настоящего — приехал в Советскую Россию в 1932 году. Был журналистом, переводчиком, диктором Московского радио. Ллойд Паттерсон погиб в самом начале Отечественной войны.

Две бабушки пели маленькому Джемсу — каждая свою — песни. Две мате-

На фото О. Иванова: «Нас окружала Африка. Она плясала и пела. Она учила и училась, помогала женщине преодолеть старые традиции, осознать свои права. Она двигала современные дома и осваивала аэрофлотовские самолеты, старательно выговаривала новые слова. И благодарно протягивала дружественную мозолистую руку...»

Джемс ПАТТЕРСОН

Праздник независимости

4

Все смешалось воедино:
трибуны,
витрины,

все слилось в карусельный круг:
вспышки улыбок

и всплески рук.
Вскрики горячей музыки,
а в плывущем открытом кузове
вьются ленты содружества наций —
полыхающие молнии танца...
На перекрестке высится броско
кактус в два человеческих роста.
Площадь — пластинка долгоиграющая.
вся — озвученное торжество,
в розоватой дымке тающая,
вращается вокруг него.
Горстью монет

в толще волны
канули киверы и галуны.
Ну а потом из проулков-расщелин
хлынуло Черное море веселья —
и вдруг естественного естественней
оно развернулось перед трибунами
этим ни с чем не сравнимым

белозубых девушек шествием
с бубнами

ри — Россия и Африка. Он закончил Нахимовское, затем Высшее военноморское училище, стал офицером, плавал на подводной лодке. Книгой стихов «Россия — Африка» защитил диплом в Литературном институте. Недавно поэт Джемс Паттерсон совершил поездку по Африке. На полосу журнала — отрывок из поэмы об Африке. Поставьте на проигрыватель четвертую звуковую страницу — и вы совершите вместе с поэтом путешествие по звучащей Африке. Сегодняшней и древней:

Я слушаю тебя, как будто руку
На пульсе своем собственном держу...

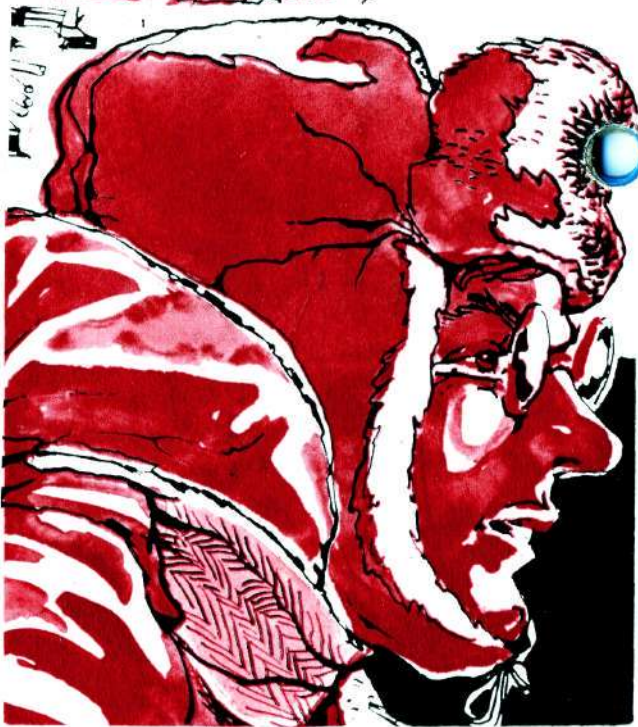

ЗЕМЛЯ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Сергей ЗАЛЫГИН

Из повести
«Оська —
смешной мальчик»

Я никогда прежде не писал в жанре фантастики. И вот закончил фантастическую (а отчасти и юмористическую) повесть, которая для меня самого явилась неожиданностью. Начало этой повести мне хотелось представить читателю «Кругозора».

Сергей Залыгин

Сначала всей этой фантазии предшествовали совершенные реальные факты.

Было небо... Небо сложено из тяжелых, грузных и плотных облаков, кое-где довольно аккуратно, со вкусом, местами же облака набросаны кое-как, на скорую руку. Небо упирается в ровную поверхность снега, совсем неподалеку — сразу же за согбенной, давно одряхлевшей, но все еще крохотной елочкой.

Людей двое: один в самолете, он во всем рыжем — рыжая лисья шапка, рыжая куртка, рыжие брови, рыжеватые глаза; другой неподвижно стоит на снегу, а рядом с ним разбросаны различные предметы — ящик, свернутая в тук палатка, еще ящик, металлические шесты. Все эти предметы наспех выброшены из самолета.

Мотор на минуту замолкает, летчик свешивается из кабины и говорит:

— Чудесная местность! Автострада вешками обозначена! Гостей будешь принимать, и, может, не одного! — И летчик указывает в ту сторону, куда убегает редкий пунктир вех с навешенным на каждую веху пучком соломки.

Человек на снегу не оглядывается, по-прежнему стоит неподвижно. Тогда летчик ругает мотор и запускает его снова.

— Будь здоров! — кричит он. — Будь здоров, Дроздов! Может, и через неделю прилечу за тобой. А может, раньше! Поднимаясь, самолет опирается на правые плоскости, тупым носом обнюхивает облака и, обнаружив в них щель, пробирается в нее и в один миг исчезает.

У человека, оставшегося в тундре, очки на переносице. Он снимает эти очки и протирает их сначала о куртку, потом о мех собачьих унтов, снова надевает и быстро-быстро начинает разбивать лагерь. Торопится.

Он разматывает и устанавливает небольшую палатку, один за другим устанавливает метеорологические приборы: анемометр, флиогарку, барограф, термометры и термометр.

Поднимает антенну. Когда все было готово — лагерь разбит, приборы установлены, — Дроздов поискал в кармане металлическую рулетку и, не торопясь, измерил ею размеры своей палатки: объем его нового жилища составил 0,8186675 кубометра.

— Прекрасно, — сказал Дроздов, лежа на спине в этом жилище и закидывая руки за голову. — Думай о чем хочешь! Сколько хочешь! Фантазируй до предела!

...То же самое небо. Та же самая земля с крохотной елочкой. Тот же самый самолет.

Но теперь в самолете двое: Шевырев и Дроздов.

— Курс? — спросил Шевырев у Дроздова, положив руки на штурвал.

— Сию минуту, — ответил Дроздов. — Летим куда угодно, да?

— Абсолютно, — кивнул Шевырев. — В какие угодно страны. На выбор. В какие угодно события. Тоже на выбор. В общем, как тебе больше нравится. Дело акуса. И самолет взвился вверх и вошел в мертвую петлю.

— Не боишься?!

— Ни черта!

Но третьего пассажира, который поставил бы перед собой задачу подробного описания этого полета в целях расширения кругозора читающей публики, не было, а конспективно это выглядело так: в лирически-голубоватой дымке, не сразу, а как бы по-детски играя, открылись милые, такие знакомые очертания материков Европы, Азии, а потом и Южной Америки, на материках кое-где горели костры, и около них сосредоточенно курили свои трубки аборигены; аборигены были погружены в это занятие до такой степени глубоко, что самолет не производил на них впечатления; аборигены видели самолет, не торопясь поднимали и нему головы в перьях; однако как бы между прочим, рассеянно и без воодушевления. Все-таки и среди них у какого-то не очень большого и не очень яркого костра нашелся один любопытный — не то индеец, не то еще кто-то — уже седой, с крючковатым носом, в одеянии из шкур и кож, который встал, учтиво поклонился самолету и, вынув из-за пояса ракетницу, выстрелил; фейерверк сказочной красоты заполнил ночь от края до края, среди необычайной игры красок, вспышек и радуг самолет уверенно продолжал путь, а какие-то реки тепло и сердечно излучали навстречу ему свет своих бакенов, волны каких-то морей поднимали в честь появления самолета каскады брызг, какой-то дельфин сначала широко раскрыл от восторга рот, сделал потрясенное сальто, какой-то медведь на самой вершине огромного кедра размахивал пестрым флагом какого-то государства.

Город, неожиданно открывшийся под крылом самолета, издали мерцал огнями, потом стремительно бросился навстречу самолету; радость и восторг его населения были через край; мужчины, женщины и очень расторопные дети, неизвестно почему в этот поздний час оказавшиеся среди взрослых, ликовали, как один человек...

И Шевырев и Дроздов отвечали на приветствия, вкладывая в них столько радушия и полноты чувств, сколько позволяло их положение в тесной кабине.

Когда же они миновали восторженный город-инкогнито, между ними, как и следовало ожидать, начался разговор, касающийся деликатного вопроса.

— Ну, как дела, старик? — спросил Шевырев.

— На базу, да? К Тонечке, да?

В самом деле показались уже база: радиомачта и дымки из труб на фоне голубого неба, полосатая колбаса, упруго надутая северо-западным ветром, небольшие домишки и ангар побольше этих небольших домишек.

— Ты куда же это выруливаешь, Алешка?! — ужаснулся Шевырев. — Ведь вот же она, посадочная полоса! Ведь база-то — там, Тонечка — там?!

Дроздов показал Шевыреву часы — было девятнадцать ноль-ноль...

— Надо посмотреть, как я там управляюсь, на площадке! — сказал он.

Еще помелькал безлюдный тундровый пейзаж, потом показалась площадка Дроздова, только что освоенная им: приборы, палатка, хилая елочка. Показался и сам Дроздов — он деловито записывал показания приборов, переходя от одного к другому.

— А ты говорил! — сказал Дроздов, поглядев на самого себя сверху вниз. — А ты подозревал, будто я забуду про все на свете, про наблюдения забуду!

Приборы показывали: термометр — 51,2 градуса ниже нуля, а термограф — 51,3.

Варограф — 678 миллибаров. Гигрограф — 48 процентов. Анемометр — 7,5 метра в секунду. Флюгер — северо-северо-запад.

Записав эти показания в «Дневник наблюдений», на страничку, обозначенную «8 апреля 1947 г.: Девятнадцать часов», Дроздов посмотрел вверх. Ему послышался вдруг невнятный гул мотора. Тогда он похлопал себя по ушам шапки, и гул пропал. Он махнул рукой, еще раз посмотрел в небо, а в «Дневник наблюдений» записал: «Облачность сплошная. Высота облаков — 100—150 м.» Оглянувшись кругом, увидел хилую елочку и записал еще: «Видимость — 150—200 м.»

Рисунок А. Брусиловского

Спустя несколько минут он приступил к очередной передаче сводки погоды на базу.

— Ваза! Ваза! Ваза! Ваза! — звал он много раз, пока наконец ему не откликнулись.

— Семь тире четырнадцать тире восемь точка, — говорил он монотонно. И так далее, пока ему не сказали:

— Будь здоров, давай завтра!

Дроздов поднялся от радики. Поражмял руки и ноги, прибил огонька на спиртовке, потом вдруг встал и пошел в сторону от палатки. Отошел шагов пятьдесят, остановился, оглянулся. Еще отошел и снова встал. Около елочки. И отсюда, с этого места, стал описывать круг.

В центре круга была его палатка, а он медленно шел, и следы выписывали на снегу ровный круг. Еще он отчеркивал этот круг палкой, которая была у него в руках. Иногда он останавливался, глядел из-под руки на палатку и прикидывал, ровный ли получается у него круг. Он делал свое дело старательно, и круг получался ровный. Когда же круг замкнулся, он еще постоял в точке замыкания, еще подумал, а потом по внешней стороне круга стал писать палкой буквы: «з», «е», «м»...

«Земля одного человека», — написал он довольно крупными буквами. А внутри этого круга он стал делать рисунки. На снегу одну за другой нарисовал пальмы. «Теперь все это со мной произойдет только на этой земле... В Сибири пальмы не растут! — говорил он, рисуя. — Не растут, не растут». И рисовал одну за другой!..

ПРИПЛАВ

К РОДНИКУ

Многие из моих сверстников помнят песню «Пойду-выйду к быстрой речке». Ее мелодия осветила сердца теплым светом и, сделав слушателей исполнителями, поплыла по России. Этой песней пятнадцать лет назад дебютировал на Всесоюзном радио Николай Поликарпов.

...Сначала был только огромный, наполненный звуками мир — единственная реальность для деревенского мальчика, который в раннем детстве лишился зрения. В предвоенные годы в Красноармейске, где жил Николай, рабочая и сельская молодежь собиралась на массовки. На поляне плясунов и певцов хоть отбавляй. Под баян Николая Поликарпова отплясывают парни, перебрасываются частушками девушки.

Началась Великая Отечественная... В бурный поток людских переживаний влилась и первая песня Николая — «Красноармейская прощальная». Участники художественной самодеятельности поют ее перед отъезжающими на фронт. С бойцами песня ушла на передовую. Песни Поликарпова подхватывают, они становятся родными, привычными.

Николай Петрович знакомится с Людмилой Зыкиной. Певица просит написать что-нибудь для нее, что можно было бы петь не только голосом, но и душой. И появляется «Рябина» на стихи Алексея Смольникова.

Я спросил Людмилу Георгиевну: «Что вас привлекает в песнях Поликарпова?» Певица ответила: «Его песни отличаются своеобразной мелодичностью, истоки которой в русском фольклоре. Они как бы светятся внутренним светом, озаряют им исполнителя и слушателей. Порой даже трудно отличить поликарповскую песню от народной, настолько близко их соприкосновение».

Песни Николая Поликарпова поют хор русской песни Центрального телевидения и Всесоюзного радио, хор имени Пятницкого, Северный и Оренбургский народные хоры, коллективы художественной самодеятельности. Исполняется свыше четырехсот его песен, частушек и припевок. В их числе ставшие широко известными «Сугробы белые», «Не скрипи, калитка», «Не спалось мне ночью долгой», «Голубые голуби», «Что ты, месяц, тихо светишь?».

Лирические, шуточные и плясовые — они идут от жизни, славят жизнь. В песнях Поликарпова шумят березы, колышутся нивы, метут метели, по хрустящему снегу несутся бойкие тройки, а люди радуются и печалются, веселятся и тоскуют в них точно так же, как в жизни.

Сергей КРАСИКОВ

ПЕРВАЯ
НОТА

все
впервые

Имя Жанны Горошени пока известно небольшому кругу любителей эстрадной песни. Специалисты утверждают: Жанна обещает стать самобытной певицей.

Приемная комиссия ГИТИСа зачислила винничанку на первый курс отделения музыкальной комедии. Никому и в голову не пришло, что на вступительном экзамене Жанна впервые встретилась с песней: она исполнила под собственным аккомпанемент «Кольбельную Светланы» Т. Хреннинова.

Храбрость — похвальное качество, но нужно и мастерство. Опытный педагог П. М. ПонTRYгин учил Жанну бережному, серьезному отношению к песне. В Москонцерт она поступила как эстрадная певица.

Популярные сегодня песни с острыми современными ритмами не позволяют исполнителю быть статичным. Понимая это, певицы пытаются найти движения, адекватные музыке, пританцовывают. Но у немногих танец органично слит с песней.

Жанна овладела этим секретом. Ее стихия — ритмические игровые песни, в которых танец естественно продолжает вокальную партию. В этих вокально-танцевальных миниатюрах певица выступает и как исполнитель и как хореограф: она придумывает движения, исходя из характера музыки и собственных представлений о песне.

Голос певицы невелик по объему, но в нем есть искренность и теплота, обаяние и та озорная изюминка, без которой немисливо эстрадное искусство.

Счастливая пора жизни, когда все происходит впервые. Первое выступление по телевидению. Первый кинофильм (на шестой звуковой странице Жанна исполняет песню из картины «Молодые», где она сыграла роль своей сверстницы, девушки - красавицы). Первые зарубежные гастроли... Первые интервью... Первая пластинка...

Евг. ЭПШТЕЙН

слушайте

В

номере

кругозор

5 (86) май 1971
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
год основания — 1964

1. Черта характера — трудолюбие. «Знаю его с детства». Страницы жизни Терентия Мальцева, рассказанные односельчанкой Агафьей Вахиной.
2. «Вена, спрессованные в уголь». Песня-репортаж Н. Шуманова и А. Черного.
3. «Назвали Иваном». История, которая началась 3 мая 1945 года в селе под Островой.
4. «Я — репортер «Кругозора». Ритмы Африки. Репортаж ведет Дж. Паттерсон.
5. Песни-борцы. Победители фестиваля политической песни в Берлине: венесуэльский певец Али Примера, ансамбль «Лучина», вокальная группа из Чили.
6. Первая пластинка. Поэт Ж. Горощенко, М. Фрадкин, Е. Долматовский. «Любовь, как песня»; Л. Гарин, Н. Олев. «На дворе трава».
7. Композитор Николай Поликарпов. Песни разных лет. «Рябина», «Сугробы белые», «Хорошо на нашей на стороушке». Слова А. Смольникова, А. Голубовского и В. Бокова. Исполняют Л. Зыкина и хор русской песни под управлением Н. Кутузова.
8. В коллекцию редких записей: неизвестный автограф Густава Малера. 2-я часть Первой симфонии в исполнении оркестра под управлением Ю. Орманди.
9. Театральная пластинка. «Современник» утром, днем и вечером. Рассказывает Г. Волчек.
10. Эхо студенческих лет. Песни представляет Ю. Визбор.
11. Танцевальные ритмы.
12. Эстрада планеты. Мария Долорес Прадера (Испания); «Медленный огонь», «Ты можешь вернуться», «Узы любви».

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

**ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ**

На первой странице
обложки:
«На холмах Грузии».
Н. Игнатов (Тбилиси).

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Я. Гамбург
**Технический
редактор**
Л. Е. Петрова

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Адрес редакции:
Москва, И-427,
ул. академика
Королева, 12.
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.
Сдано в набор
2/IV 1971 г.
В 05603.
Подписано к печ.
19/IV 1971 г.
Формат
бумаги 60 × 84¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 994. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Каждый театр — наполовину реальность, наполовину легенда. К театру нельзя подойти с мерной, пристойной точным наукам, потребовать только фактов. Факты театральной истории существуют, но, для того чтобы понять место много-либудо театра в искусстве, недостаточно сирупулезно изучить его спонтанли. Важно и послушать, что говорят о нем, в том числе те, кто никогда его не видел. Выслушать все соображения, пережить изустные поэмы, легенды, даие небылицы. Все это тоже театр, эхо театра.

На всякий звук
Свой отклик в воздухе
пустом

Родись ты вдруг,
Пушкинские строи подхо-
дят к театру...

Я смотрю на старую фото-
графию — она отнюдь не по-
желтела от времени. Зри-
тельный зал филлала Худо-
жественного после первого
спонтанли никому не ве-
домых артистов, назвавших се-
бя «Современником», взя-

ших на себя обязательно
отклониться «на всякий
звук» — на важные собы-
тия общественной жизни.
Они стоят, раскланываясь
и смущаясь. Олег Ефре-
мов, Галина Волчек, Игорь
Кляша, Евгений Евстигнев,
Лилия Толмачева, Олег Та-
баков... А в зале я вижу Ни-
колая Погодина. Вот Виктор
Розов... Наконец, нахожу се-
бя. Неуцели с тех пор
прошло пятнадцать лет?
Срок очень большой, учиты-
вая нынешний темп обще-
ственной жизни. Еще полвека
назад театр в таком возрас-
те можно было считать мо-
лодым. Теперь это зрелость.
Зрелость не только в смыс-
ле достигнутого мастерства.
Наступило время раздумий,
ответственных решений: что
далее?..

Мне, и как критику и как
сотруднику журнала «Те-
атр», приходится бывать в
театрах многих городов и
стран. Обычно после обсу-
ждения спонтанной актеры

забрасывают вопросами о
театральной жизни столицы.
— Снажите, кто руководит
«Современником»?

— Что собирается ставить
«Современник»?

— А правда ли, что «Совре-
менник»?..
И десятки еще других воп-
росов об этом театре. Недав-
но мне задавали их в Пол-
таве, Харькове, Ленинграде,
совсем недавно — в Монго-
лии, в Улан-Баторе...

Чем он все-таки взял? Что
же он внес в театральное
искусство наших дней?

Прежде всего, сила примера:
«Современник» возник по
инициативе актеров, объе-
диненных радостной и мучи-
тельной потребностью ска-
зать свое слово. Таким обра-
зом, он еще раз подтвердил
непреложимый, сформулиро-
ванный еще Станиславским
закон театрального искуства:
жизнеспособный театр,
которому суждено сделать
нечто новое, возникает
лишь из объединения оди-
наково мыслящих художни-
ков, по их инициативе.

Различных театральных
студий образуется множество.
То тут, то там группы
актеров и режиссеров пыта-
ются создать новые театры.
Многие из них погибают, не
успев родиться. «Современ-
ник» подтвердил, что выжи-
вает объединение ярких та-
лантов, имеющих солидную
профессиональную подго-
товку, вдохновленных акту-
альными общественными
идеями. Ядро «Современни-
ка» составили выпускники
школы-студии МХАТ, люди,
желающие дальше развивать
театральную эстетику
великого реформатора Станис-
лавского. Если и упомяну-
тым актерам добавлю Нину
Доршину, Татьяну Лаврову,
Михаила Козакова, Валенти-
на Никулина, Виктора Сер-
ганчева, Петра Щербакова, а
из более молодых — Андрея
Мягкова, то можно будет
составить представление о
том собрании талантов, ко-
торое вдохнуло жизнь в
идею этого театра.

Его актеры принесли с со-
бой более тесный, более
естественный контакт со
зрительным залом. Сцениче-

скую речь они еще более приблизили к той речи, которой говорят сейчас в жизни. Они постарались снять множество «наслоений», сценических штампов с открытий Станиславского.

Своей манерой они действительно завоевали доверие зрителей, особенно молодых, и те и в самом деле стали видеть в них как бы своих представителей, собеседников, обсуждающих с ними актуальные проблемы.

«Современником» считали его. Ему подражали, с ним не соглашались, полемизировали. Ни одному театру, если только он хотел быть не просто местом проведения вечернего досуга, нельзя уже было не считаться с тем, что существует «Современник».

В лучших своих спектаклях, таких, как «Вечно живые», «Два цвета», «Голый король», «Без креста», «Четвертый», «Сирано де Бержерак», «Назначение», «Всегда в продаже», «Обыкновенная история», в историко-революционной трилогии «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики», в «На дне» театр говорит со зрителем с той убежденной страстью, с какой и должны говорить мастера искусства, художники, воодушевленные идеями социального и нравственного совершенствования общества.

«Современник» вывел на свою сцену за эти пятнадцать лет множество разнообразных узнаваемых людей нашего времени, начиная с героев программного первого спектакля «Вечно живые», людей разных поколений, отстоявших нашу страну в Великой Отечественной войне. К этому нужно добавить десятки замечательных образов, созданных артистами театра на киноэкране. Это тоже школа «Современника»! Сегодня во главе театра пять человек — Олег Табаков, Галина Волчек, Игорь Кваша, Лилия Толмачева, Андрей Мягков.

Звуковая страница журнала начинается заседанием коллегии — коллективного руководства «Современника»...

Александр СВОБОДИН

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО, ДОМ 1

Эти фотографии, как и звуковая страница, знакомят вас с рабочим днем «Современника». Сегодня в театре идет пьеса Горького «На дне».

Фото
М. Муразова
В. Перельмана
М. Строкова

9

Две тысячи зрителей «Пласа де торос» — арены для боя быков — восторженно приветствуют Марию Долорес Прадере. Она выступает на деревянной эстраде, сбитой специально по случаю концерта.

— Я люблю петь перед такой аудиторией, — говорила мне Мария Прадере. — Театральные билеты в Испании дороги, а на «Пласа де торос» они значительно дешевле. Приятно видеть перед собой десятки тысяч придирчивых, но благодарных слушателей. Мадрид — родной город Марии Долорес Прадере. Здесь она выросла, здесь стала драматической актрисой.

В театре Мария Прадере играла в пьесах Лопе де Веги и Чехова, Гарсиа Лорки и Шекспира. Петь начала в драматических спектаклях. А два года назад, оставив театр, увлеклась концертной деятельностью. Большой успех неизменно сопутствует гастролям певицы в Латинской Америке. О своей популярности Мария говорит сдержанно:

— По-моему, все определяется огромным интересом к народному музыкальному искусству. Я только напоминаю людям о вечной красоте, о свежести испанских народных мелодий.

К замечательному поэту-антифашисту Федерико Гарсиа Лорке, убитому фалангистами тридцать пять лет назад, у певицы особая теплота. Я распеваю Марии Прадере, как любят и читают Лорку у нас в стране. Ее глаза загораются:

— Он всей душой любил поэзию и свой народ. Недавно вместе с композитором Пако Ибаньесом мы подготовили песню на стихи Лорки «Ящерица плачет»...

Песни Марии Прадере — бесконечная смена образов и настроений. Многие из них — яркие сценки, словно выхваченные из народной жизни. В каждой мелодии она находит множество оттенков и тембровых красок. Ее сильный голос гибок, диапазон широк. Успеху артистки немало способствует великолепный аккомпанемент гитар. Так играют братья-близнецы Хулиан и Сантьяго Лопес. Эти 22-летние студенты Мадридского университета не только в совершенстве владеют всеми тонкостями инструмента, они же и авторы музыкальных обработок многих песен.

Накануне отъезда из Мадрида мы встретились с Марией Долорес Прадере после репетиции в театре.

— Мне очень хочется познакомить испанскую публику с советской музыкой. Только к нам редко доходят сочинения ваших композиторов. Если бы побывать в Советском Союзе!.. Это моя большая и давняя мечта.

Александр ОСИПОВ

МАРИЯ ПРАДЕРА

Цена 1 руб.